

УДК 821.161.1

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.4.1

Научная статья

Е. А. Акелькина¹

✉ fmdostocentr@yandex.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Символично-пространственные мотивы Достоевского как средство философского синтеза в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия»

Аннотация: Статья анализирует символы и пространство в мотивах Достоевского в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия». Методами философствования являются сны, игры времени. Автор приходит к выводу, что М. А. Булгаков в «Белой гвардии» с помощью ассоциативных связей с символическими мотивами и сюжетными ситуациями, характерными для Ф. М. Достоевского, создает новую стилистику философского эксперимента, исследует бесконечность человеческого духа и движение истории. Использование символических оппозиций живого и мертвого, света и тьмы, рая и ада, неба и земли позволяет исследовать бесконечность за счет расширения перспективы человеческого мироощущения. Этот философский эксперимент в духе поэтики Достоевского дает Булгакову возможность приблизиться к тайне мироздания и преодолеть кровавый хаос революции.

Ключевые слова: философское повествование, символы, сны, игра временем.

Дата поступления статьи: 22 марта 2022 г.

Для цитирования: Акелькина Е. А. (2022) Символично-пространственные мотивы Достоевского как средство философского синтеза в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 16, № 4, с. 9–13. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.4.1.

Scientific article

Е. А. Akelkina¹

✉ fmdostocentr@yandex.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Dostoevsky's symbolic and spatial motifs as a means of philosophical synthesis in Mikhail Bulgakov's novel "The White Guard"

Abstract: The article analyzes symbols and space in Dostoevsky's motifs in Mikhail Bulgakov's novel "The White Guard". The methods of philosophizing are dreams, time games. The author comes to the conclusion that M. A. Bulgakov in the "White Guard" with the help of associative links with symbolic motives and plot situations being typical of F. M. Dostoevsky, creates a new style of philosophical experiment, explores the infinity of the human spirit and the movement of history. The use of symbolic oppositions of the quick and the dead, light and darkness, paradise and hell, heaven and earth allows us to explore infinity by expanding the perspective of the human worldview. This philosophical experiment in the spirit of Dostoevsky's poetics gives Bulgakov the opportunity to approach the mystery of the universe and overcome the murderous chaos of the revolution.

Keywords: philosophical narrative, symbols, dreams, time play.

Paper submitted: March 22, 2022.

For citation: Akelkina E. A. (2022) Dostoevsky's symbolic and spatial motifs as a means of philosophical synthesis in Mikhail Bulgakov's novel "The White Guard". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 16, no. 4, pp. 9–13. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.4.1.

Введение

Философское начало является художественной доминантой, определяющей смысловую структуру художественного целого романа М. А. Булгакова «Белая гвардия». Использование симво-

лико-пространственных мотивов, аллюзий, характерных для творчества Ф. М. Достоевского, позволяет М. А. Булгакову, подключившись к мощной традиции философской прозы XIX века, осуществить на уровне метафизической глубины поиск смысла бытия в разломе революции и Гражданской войны.

Роман М. А. Булгакова печатался в журнале «Россия», в № 4 и 5 в 1925 году, а в 1927–1929 годах вышел отдельным изданием двумя томами в парижском издательстве Concorde. На фоне разноречивых отзывов об этом произведении выделяется оценка Максимилиана Волошина: «Как дебют начинающего писателя её <книгу> можно сравнить только с дебютами Достоевского и Толстого»¹.

Результаты

Справедливость этого сопоставления поэтом доказывается мастерством автора, его возвращение к сюжетности сродни русским классикам, соединяющей личную судьбу героев с ходами истории в катастрофическое переломное время. М. А. Булгаков был внимательным читателем этих писателей, не будучи последователем Л. Н. Толстого, он ближе к символике пространственных решений Ф. М. Достоевского, у которого топика всегда была связана с раскрытием духовного смысла бытия героев. Общелитературные хронотопы «города», «Дома», «перекрёстка», «дороги», «порога», «двора», «переулка», «спуска», «горки», «дворца», «актового зала» решаются по-достоевски глубоко, складываясь в смысловые символические ряды, реализующие духовное движение героев от уединения, растерянности и одиночества к единению и братству, преодолевающему хаос и распад. Огромное значение приобретает в романе М. А. Булгакова метафизика снов, гротескных кошмаров, оппозиции света и тьмы, неба и земли, рая и ада. Неслучайно Турбины живут на Алексеевском спуске в доме номер тринадцать, а полковник Най-Турс – на Мало-Провальной улице. Все названия, как и у Достоевского, знаково семантизированы.

Так как действие «Белой гвардии» совершается в Киеве времен Гражданской войны, когда город более десятка раз переходит из рук в руки белых, красных, зеленых, желто-блакитных и т. д., то М. А. Булгаков чаще всего сопоставляет происходящее с «провинциальными романами» Достоевского «Бесами» и «Братьями Карамазовыми». Только в двух этих романах есть символическая система заглавий, эпитафий и посвящение. Роман М. А. Булгакова «Белая гвардия», как и «Братья Карамазовы», посвящен жене писателя Любви Евгеньевне Белозерской. Как и «Бесы», начало романа снабжено двумя эпитафиями – первые из А. С. Пушкина, вторые – евангельские. Пушкинские эпитафии связаны с указанием на русскую смуту: у Достоевского из стихотворения «Бесы», а у Булгакова из «Капитанской дочки» – о хаосе пугачевщины. Вторые эпитафии – из Евангелия от Луки, о нечистых, вселившихся в свиней («Бесы»), а в «Белой гвардии» из Апокалипсиса («Откровение Иоанна Богослова»). У Достоевского предсказывающие беду смуты эпитафии предостерегают от страшного будущего, а у Булгакова все уже случилось («И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...»).

С первой фразы Булгакова мы видим взаимодействие разных временных пластов – условно-обобщенное время вечности, конкретное – текущих событий, историческое время прошлого, биографическое каждого из героев, а также метафизическое время значимых снов, видений, кошмаров.

«Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская – вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс.

Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил мохнатый декабрь. О, елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем! Мама, светлая королева, где же ты?» (Булгаков, с. 179).

Соединяя Рождество как точку отсчета времени лета Господнего и год, и дни, и лето, и зиму, а также небо, звезды и земную конкретику настоящего и обращаясь к счастливому мирному прошлому, всезнающий повествователь творит вселенский масштаб, который будет поддержан «вечными» вопросами: «Но как жить? Как же жить?». Так создается философское измерение изображения бытия, порой переходящего в быт. Философскими же мы называем такие способы

¹ Здесь и далее цит. по: Булгаков М. А. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. М., Художественная литература, 1989. 623 с. С. 573.

и приемы обобщения, которые обращены к миру в целом, к законам мироздания и к природе человека. Все они ведут читателя в глубину сущностного, невидимого, восстанавливают всеединство жизни, преодолевают хаос. Восприятие сиюминутных событий на переломе революции и Гражданской войны в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» с точки зрения вечности несомненно опирается на опыт Ф. М. Достоевского, умело переводящего угол зрения в план планетарного сознания. Соединяя книжные впечатления (сожженная «Капитанская дочка», «Саардамский плотник»), домашние юмористические надписи на печке, привычные песенки, цитаты с библейскими грозными пророчествами («третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь»), разговоры о современных событиях, повествователь Булгаков осмысляет все явления кризисной эпохи, как и Достоевский, в разрезе одного мгновения, переводя всё в план вечности.

Символика снов героев содержит оппозицию ада и рая, пересечение философско-символических рядов образует точки кризиса, концентрирующие смысл совершающегося. Внутреннее движение героев от «тесноты» к «простору» соответствует на уровне времени соотношению между «мигом», «днем», «годом» и «вечностью». Как и в романах Достоевского, в мире «Белой гвардии» Булгакова чрезвычайно важны «сны-прозрения», которые раздвигают внутренний мир героев до вселенского простора.

В первой части «Белой гвардии» ассоциативно постоянно идет смысловое переключение из большого пространства «города» в «дом», и в «комнату» квартиры Турбиных. Неопределенность связи нечистой силы с происходящим в городе через призму намека на эпизоды из «Бесов» или «Братьев Карамазовых» дается и в реплике Мышлаевского, упоминающего «мужичков-богоносцев достоевских», и в появлении глумящегося «кошмара в брюках в крупную клетку», соединяющего в своей речи циничный афоризм из современного юмористического листка «Чёртова перечница» с рассуждениями писателя Кармазинова. Все это возникает в сне Алексея Турбина рядом с «недочитанным Достоевским» (Булгаков, с. 583–584). События революционного тумана везде подсвечены воспоминаниями о мире и предсказаниями Достоевского. Из этого тумана в городе и в голове возникают странные сны. Так, Алексею Турбину привиделся погибший полковник Най-Турс в виде средневекового рыцаря в раю и здесь же убитый на Первой мировой вахмистр Жилин. Симптоматичен разговор героя с ним о том, кто окажется в раю, и выясняется, что там приготовлено место не только для белых, но и для красных.

Как и у Достоевского в «Легенде о Великом инквизиторе» в «Братьях Карамазовых», поток жизни в романе движется к встрече с Богом. Уже в самом начале смуты возникают вечные вопросы о смысле происходящего у героев: «Улетающий в черное, потрескавшееся небо Бог ответа не давал, а сам Николка ещё не знал, что всё, что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему» (Булгаков, с. 180). По мере развертывания иррациональных событий возрастает мера условности изображения, мир уподобляется «туману». В кризисных точках действий на первый план выходит разрыв причинно-следственных связей, а смысл открывается через философский подтекст символических снов. Алексею Турбину Бог является в разговоре с убитым вахмистром Жилиным о том, каков рай и можно ли попасть туда «с сапогами, со шпорами», «всем эскадронам с бабами». Комическое противоречие бытового и метафизического в массовом сознании возникает за счет расширения смыслового пространства и совмещения временных планов прошлого и будущего. Жилин узнает, что в раю рядом с ними заготовлены «хоромы» для «большевиков, с Перекопу». Действие происходит в 1918 году, а Перекоп будет взят в 20-ом. Вахмистр сомневается, будут ли допущены в рай большевики, не верящие в Бога. А Создатель отвечает: «Ну не верят, говорит, что ж поделаешь. Пушай. Ведь мне-то от этого ни жарко ни холодно. Да и тебе, говорит, тоже. <...> Потому мне от вашей веры ни прибыли, ни убытку. Один верит, другой не верит, а поступки у вас у всех одинаковые: сейчас друг друга за глотку, а что касается казарм, Жилин, то тут так надо понимать, все вы у меня одинаковые – в поле брани убиенные. <...> Да, в общем, Жилин этими вопросами себя не расстраивай. Живи себе, гуляй» (Булгаков, с. 236–237). Так символический сон-прозрение помогает читателю осознать и пережить единство всех людей, независимо белые они или красные. Очень много в романе исторических символов-аллюзий: все военные действия в городе связаны с 14 декабря, упоминается Бородинское поле, которое есть в Киеве, взрыв снарядов происходит

на Лысой Горе. Постоянно меняется городское пространство: от закрытого тупикового двора-ловушки, к переулку, спуску, порогу, к перекрестку, дороге, открытому полю – Владимирской горке, восходящей к статуе с Крестом и к небу со звездами. Это динамика чудесного обретения выхода из безнадежных ситуаций, из чередования мертвого и живого пространства, холодного чужого и домашнего с его уютом и теплом.

Каждому персонажу романа посылаются сны по его духовному росту и заслугам. Так, сосед Турбиных Василиса видит «сон нелепый и круглый»: «Будто никакой революции не было, всё была чепуха и вздор. ... и вот Василиса купил огород. Моментально выросли на нём овощи <...> Василиса стоял и глядел на милое заходящее солнышко, почесывая живот... и вот какие-то розовые, круглые поросята вылетели в огород и тотчас пятакочковыми своими мордами взрыли грядки. Поросята страшные – у них острые клыки. <...> Черным боковым косяком накрыло поросят, они провалились в землю» (Булгаков, с. 423). Очевидна перекличка с евангельским эпиграфом из «Бесов», только сниженная и гротескная. А в городе, в который врывается бронепоезд «Пролетарий», библиотекарь Русаков ночью читает Апокалипсис: «И увидел я мертвых и великих, стоящих перед Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мёртвые по написанному в книгах сообразно с делами своими. <...> и увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали ...» (Булгаков, с. 426).

Вполне в духе поэтики Достоевского совершается рождественское чудо, когда умирающего Алексея Турбина спасает молитва сестры: «Мать-заступница, – бормотала в огне Елена, – уприси его. Бог он. Что же тебе стоит. Пожалей нас. Пожалей. Идут твои дни, твой праздник. Может, что-нибудь доброе сделает он, да и тебя умолю за грехи. <...> Все мы в крови повинны, но ты не карай. Не карай. Вон он, вон он...» (Булгаков, с. 411-412).

И в финале романа мальчик Петька Щеглов видит простой и радостный сон – сверкающий алмазный шар на лугу. И, как в рождественском рассказе Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке», катарсис достигается тем, что в «неизмеримой высоте за этим синим пологом у царских врат служили всенощную. <...> Над Днепром с грешной окровавленной и снежной земли поднимался в черную, мрачную высь полночный крест Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла – слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч. <...> Все пройдёт. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся... Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?» (Булгаков, с. 428).

Выводы

Таким образом, М. А. Булгаков в «Белой гвардии» с помощью ассоциативных связей с символическими мотивами и сюжетными ситуациями, характерными для Ф. М. Достоевского, создает новую стилистику философского эксперимента, исследует бесконечность человеческого духа и движение истории. Булгаков с помощью «истин разных времен», библейских и литературных цитат и аллюзий творит смысловое пространство рассказа, в котором испытываются человеческие качества персонажей, живущих в переходное время Гражданской войны. Автор анализирует состояние души героев с помощью снов, видений, парадоксов, гротеска идей, философских диалогов, приема фантастического предположения. В кризисных точках сюжета возникает универсальное время-пространство философского синтеза, в котором взаимодействуют разные временные планы настоящего, прошлого и будущего в разрезе единого мгновения вечности. Использование символических оппозиций живого и мертвого, света и тьмы, рая и ада, неба и земли позволяет исследовать бесконечность за счет расширения перспективы человеческого мироощущения. Этот философский эксперимент в духе поэтики Достоевского дает Булгакову возможность приблизиться к тайне мироздания и преодолеть кровавый хаос революции. Невиданное расширение метафизического названия «Белая гвардия» реализует возможность выйти за рамки конкретно-исторического белого движения и увидеть в нем философскую персонификацию абстракции богатства человеческого духа, преодолевающего любой кризис и беду.

Подобным же образом Достоевский в оксюморе «Белые ночи» видел свойство души человека любовью сотворить чудо гармонии и понимания другого. В этом дебютном произведении Булгакова начинается создание особой стилистики философского повествования, которая блистательно осуществится в «Мастере и Маргарите».

Источники

- Бахтин М. М. (1972) Проблемы поэтики Достоевского. М., Художественная литература, 470 с.
- Булгаков М. А. (1989) Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. М., Художественная литература, 623 с.
- Гапоненко А. А. (1993) Философский диалог как жанрово-образующее начало в романах «Бесы» Ф. М. Достоевского и «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова. Достоевский и современность. Тезисы выступлений на старорусских чтениях. Часть 2. Новгород, с. 42–44.
- Гапоненко А. А. (1991) М. А. Булгаков и Ф. М. Достоевский: поэтика сатирических массовых сцен в романах «Бесы» и «Мастер и Маргарита» (к типологии русского романа). Достоевский и современность. Тезисы выступлений на старорусских чтениях. Часть 2. Новгород, с. 20–23.
- Достоевский Ф. М. (1972–1990) Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., Наука.
- Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник (1997) Сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев; науч. ред. Г. К. Щенников. Челябинск, Металл, 270 с.
- Лескис Г. А. (1999) Триптих М. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия»; «Записки покойника»; «Мастер и Маргарита». М., О. Г. И, 425 с.
- Литературное обозрение (1991) № 5 (Номер, посвященный столетию писателя).
- Сухих И. Н. (2002) «Мастер и Маргарита» М. Булгакова: роман-лабиринт. В кн.: Русская литература XX века: Школы, направления, метод творческой работы. СПб., Logos, М., Высшая школа, с. 466–485.

References

- Bakhtin M. M. (1972) Problemy poetiki Dostoyevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 470 p. (In Russian).
- Bulgakov M. A. (1989) Sobraniye sochineniy v pyati tomakh [Collected works in five volumes], vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 623 p. (In Russian).
- Dostoevsky F. M. (1972–1990) Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t. [Complete works: in 30 volumes]. Leningrad, Nauka. (In Russian).
- Dostoyevskiy: Estetika i poetika: Slovar'-spravochnik [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics: Dictionary-Reference] (1997) Comp. G. K. Shchennikov, A. A. Alekseev; scientific ed. G. K. Schennikov. Chelyabinsk, Metall, 270 p. (In Russian).
- Gaponenko A. A. (1993) Filosofskiy dialog kak zhanrovo-obrazuyushcheye nachalo v romanakh "Besy" F. M. Dostoyevskogo i "Master i Margarita" M. A. Bulgakova [Philosophical dialogue as a genre-forming beginning in the novels "Demons" by F. M. Dostoevsky and "The Master and Margarita" by M. A. Bulgakov]. Dostoyevskiy i sovremennost'. Tezisy vystupleniy na starorusskikh chteniyakh [Dostoevsky and modernity. Abstracts of speeches at the Old Russian readings]. Part 2. Novgorod, pp. 42–44 (In Russian).
- Gaponenko A. A. (1991) M. A. Bulgakov i F. M. Dostoyevskiy: poetika satiricheskikh massovykh stsen v romanakh "Besy" i "Master i Margarita" (k tipologii russkogo romana) [M. A. Bulgakov and F. M. Dostoevsky: the poetics of satirical crowd scenes in the novels "Demons" and "The Master and Margarita" (to the typology of the Russian novel)]. Dostoyevskiy i sovremennost'. Tezisy vystupleniy na starorusskikh chteniyakh [Dostoevsky and modernity. Abstracts of speeches at the Old Russian readings]. Part 2. Novgorod, pp. 20–23 (In Russian).
- Lesskis G. A. (1999) Triptikh M. Bulgakova o russkoy revolyutsii: "Belaya gvardiya"; "Zapiski pokoynika"; "Master i Margarita" [M. Bulgakov's triptych about the Russian revolution: "White Guard"; "Dead Man's Notes"; "The Master and Margarita"]. Moscow, O. G. I, 425 p. (In Russian).
- Literary Review (1991) No. 5 (Issue dedicated to the centenary of the writer). (In Russian).
- Sukhikh I. N. (2002) "Master i Margarita" M. Bulgakova: roman-labirint ["The Master and Margarita" by M. Bulgakov: a labyrinth novel]. V kn.: Russkaya literatura KHKH veka: Shkoly, napravleniya, metod tvorcheskoy raboty [In: Russian literature of the twentieth century: Schools, directions, method of creative work]. Saint Petersburg, Logos, Moscow, Vysshaya shkola, pp. 466–485 (In Russian).

Информация об авторе

Акелькина Елена Алексеевна

Доктор филологических наук, профессор.
Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
E-mail: fmdostocentr@yandex.ru

Author's information

Elena A. Akelkina

Dr. Sc. (Philol.), Professor. Omsk Humanitarian
Academy, Omsk, Russian Federation.
E-mail: fmdostocentr@yandex.ru